

Е. М. Долгова^a

<https://orcid.org/0000-0002-5104-3110>
✉ e.dolgova@hse.ru

М. В. Малофеева^a

<https://orcid.org/0009-0008-0224-0776>
✉ mmalofeeva@hse.ru

Н. В. Большаков^a

<https://orcid.org/0000-0001-8976-7248>
✉ nbolshakov@hse.ru

^a Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ИНКЛЮЗИВНЫХ СООБЩЕСТВ С УЧАСТИЕМ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МУЗЕЯХ

Аннотация. Инклюзия и доступность — одни из наиболее актуальных трендов в разработке современных музеиных проектов. Придерживаясь данных принципов, музеи работают с исключенными группами, вовлекая людей с инвалидностью в деятельность музея. Данное исследование посвящено рассмотрению трех основных форм взаимодействия музеев с инклюзивными сообществами и выявлению роли музея в их формировании и сплочении. В основу анализа положены 56 глубинных интервью с сотрудниками музеев, работающими с людьми с инвалидностью, и людьми с сенсорной инвалидностью, состоящими в музейных сообществах. Как показали результаты исследования, музей может выступать в качестве площадки, на которую привлекаются уже сформированные инклюзивные сообщества. Данная практика обеспечивается за счет сотрудничества с общественными организациями, фондами и другими заинтересованными сторонами. Музей также может участвовать в формировании собственного инклюзивного сообщества, что обеспечивается системной работой с людьми с инвалидностью, позволяющей им проявлять свою идентичность и экспертность. Кроме того, музеи способствуют формированию профессиональных инклюзивных сообществ, объединяющих людей с инвалидностью и специалистов в области доступности и инклюзии.

Ключевые слова: музеи, инклюзия, доступность, культура соучастия, инклюзивные сообщества, агентность, культурное гражданство, инвалидность, социальная сплоченность

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Культурное гражданство и локальная солидарность: опыт социальной инклюзии аудитории музеев России» (№ 22-78-10098).

Для цитирования: Долгова Е. М., Малофеева М. В., Большаков Н. В. Формирование инклюзивных сообществ с участием людей с инвалидностью в современных российских музеях // Шаги/Steps. Т. 11. № 4. 2025. С. 243–262. EDN: RXWIQV.

Поступило 6 мая 2024 г.; принято 31 октября 2025 г.

Shagi / Steps. Vol. 11. No. 4. 2025

Articles

E. M. Dolgova ^a

<https://orcid.org/0000-0002-5104-3110>
✉ e.dolgova@hse.ru

M. V. Malofeeva ^a

<https://orcid.org/0009-0008-0224-0776>
✉ mmalofeeva@hse.ru

N. V. Bolshakov ^a

<https://orcid.org/0000-0001-8976-7248>
✉ nbolshakov@hse.ru

^a HSE University (Russia, Moscow)

FORMATION OF INCLUSIVE COMMUNITIES WITH THE PARTICIPATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN MODERN RUSSIAN MUSEUMS

Abstract. Inclusion and accessibility are among the most current trends in the development of modern museum projects. In adhering to these principles, museums represent diverse identities, work with excluded groups, involving people with disabilities in museum activities. The study examines three main forms of interaction between museums and inclusive communities and identifies the role of the museum in their formation, its ability to act as a catalyst for social cohesion of people with disabilities. The analysis is based on 56 in-depth interviews with museum staff who work with people with disabilities, and people with sensory disabilities involved in museum communities. As the results of the study have shown, museums can act as a platform that attracts already established inclusive communities. This practice is ensured through cooperation with public organizations, foundations and other stakeholders. Museums can also participate in the formation of their own inclusive communities. This approach appears when museums sys-

tematically work with people with disabilities, allowing them to express their identity and expertise. Moreover, museums contribute to the formation of professional inclusive communities that unite people with disabilities and specialists in the field of accessibility and inclusiveness.

Keywords: museums, inclusion, accessibility, participatory culture, inclusive communities, agency, cultural citizenship, disability, social cohesion

Acknowledgments. The research for this article was carried out with support of the grant of the Russian Science Foundation no. 22-78-10098 “Cultural Citizenship and Local Solidarity: The Experience of Social Inclusion of Museum Audiences in Russia”.

To cite this article: Dolgova, E. M., Malofeeva, M. V., & Bolshakov, N. V. (2025). Formation of inclusive communities with the participation of people with disabilities in modern Russian museums. *Shagi / Steps*, 11(4), 243–262. EDN: RXWIQV. (In Russian).

Received May 6, 2024; accepted October 31, 2025

Введение

Роль музея как культурной институции в современном мире часто подвергается переосмыслению. Музей способен оказывать значительное влияние на коллективное сознание, являясь площадкой, агрегирующей авторитетные мнения, открытой к совместно проживающему верbalному и телесному опыту различных социальных групп, что делает его агентом социальных изменений [Жвитиашвили 2020]. Одновременно с этим опыт посещения людьми с инвалидностью музея как социокультурного института традиционно рассматривается в контексте обеспечения доступности музейных пространств, исполнения запросов посетителей, улучшения коммуникации и взаимодействия сотрудников музея с посетителями в соответствии с их ожиданиями [Ярская-Смирнова, Большаков 2020; Щекочихина 2020]. Инклюзивная повестка вносит свои корректиры: роль музея трансформируется, он постепенно становится инструментом для формирования социальной сплоченности людей с инвалидностью, основной площадкой реализации культуры соучастия [Долгова, Большаков 2023].

В современной музеологии помимо поддержания просветительской функции музея, в которой важным является сохранение дистанции, постулируется также партнаторный подход, в котором уделяется особое внимание зрительскому участию — формируется культура соучастия, что стимулирует активное включение посетителей в культурные процессы за рамками стандартного набора музейных практик [Хаупт 2015; Саймон 2017]. Такая партнаторность опирается на локальные сообщества,

идею инклюзивности и повышения уровня культурной информированности.

Исследование, посвященное социальному конструированию инвалидности незрячими посетителями инклюзивных музеев, показало, что музей становится агентом формирования сообществ людей с инвалидностью [Долгова, Большаков 2023]. Проводя ретроспективный анализ, можно утверждать: развитие музейной инклюзии привело к тому, что люди с инвалидностью стали не только посещать музеи, но и активно вовлекаться в сообщества, организованные на базе музеев, заявлять о своих правах и интересах: культура соучастия (партиципация) стала одним из основных подходов к работе современного музея [Саймон 2017]. Помимо этого, музеи становятся «оживляемыми пространствами» при наличии должного количества ресурсов и способностей [Хауорт 2015: 62], площадкой открытого диалога для посетителей, имеющих разный культурный опыт. Такая практика поощряемого социального взаимодействия может создавать условия для соучастия не только в социальных, но и в культурных процессах. Осуществление совместной инклюзивной деятельности с другими участниками в логике партнаторности активизирует формирование инклюзивных сообществ по различным основаниям, что становится одним из основных направлений работы для современного музея.

В то же время работа музеев с сообществами может принимать различные форматы в зависимости от способа вовлечения людей с разным жизненным опытом, от степени активизации сообществ, роли музея в формировании сообществ и используемых инструментов работы. В данной статье мы ставим цель описать успешные формы взаимодействия музеев с сообществами людей, обычно в российской практике музейной работы относимых к инклюзивным группам, — людей с различными формами инвалидности. После рассмотрения подходов к определению сообществ в инклюзивном музее мы обратимся к опыту музеев, которые в своей работе ориентируются на вовлечение уже сформированных инклюзивных сообществ, а далее проследим, как становится возможна активизация роли музеев в формировании отдельных сообществ, в том числе на профессиональной основе. При этом важно оговорить, что в данном тексте в меньшей степени будут проанализированы неуспешные кейсы, конфликты, негативные стереотипы, напряжения, которые сегодня неизбежно возникают в ходе работы по вовлечению людей с инвалидностью в музейные проекты в России. Нас интересуют именно возможности формирования данных практик, поэтому в статье в том числе будут рассмотрены конкретные кейсы, в которых музей выступает в качестве катализатора социальной сплоченности людей с инвалидностью вокруг темы инклюзии и доступности.

Сообщества в инклюзивном музее

Современные музеи выступают в роли агентов и площадок выстраивания культурного гражданства [Bennett 2005; Pruulmann-Vengerfeldt,

Runnel 2018]. В этом случае музеи создают условия, чтобы уникальные черты культур различных групп, состоящих из людей с особыми потребностями, которые раньше могли быть исключены, были представлены и реализованы в деятельности музеев [Абрамов и др. 2024]. Более того, презентация данных уникальных черт позволяет людям осознавать свою принадлежность к сообществу через культуру. Культурное гражданство предполагает право всех социальных групп (этнических, гендерных, возрастных) на полноправное участие в культурной жизни своих обществ [Stevenson 1997]. К таким социальным группам относятся и люди с инвалидностью. Акт включения (*inclusion*) заключается в наделении возможности обладать равным с другими участниками правом на членство в музейном сообществе. Таким образом, музеи становятся ключевыми участниками в создании условий для диалога и взаимодействия разных социальных и культурных категорий.

Сама политика музейной инклюзии подразумевает возможность равного участия, общего музейного опыта для всех категорий посетителей [Лучкова 2020]. В фокусе внимания данной статьи будут сообщества, в которые могут входить музейные специалисты без инвалидности, музейные работники и посетители с инвалидностью, представители других категорий, находящиеся в сфере интересов специалистов по инклюзии и доступности, а также эксперты, которые не имеют профессионального отношения к музею, но используют его пространство для проведения различных мероприятий. Сообщества в музее авторами статьи будут пониматься как устойчивые группы индивидов, формирующиеся на основе как общей цели, потребности в принадлежности к коллективу [Тённис 2002], разделении общих ценностей, получении взаимной выгоды [Гофман 2013], так и общей территориальной идентичности [Блокланд 2023]. Сообщество складывается в ходе регулярного взаимодействия и характеризуется большим влиянием на идентичность индивидов [Тённис 2002]. Для людей с инвалидностью важным аспектом участия в музейных сообществах является развитие культуры инвалидности, предлагающей ощущение солидарности и взаимопонимания с другими представителями уязвимых групп [Тарасенко 2004]. В этом смысле музейные сообщества выполняют значимую функцию, предлагая площадку для общения, взаимопомощи и создания устойчивого коллективного опыта, что поддерживает чувство принадлежности к сообществу. Люди с инвалидностью или иными особенностями через участие в таких сообществах не только находят пространство для проявления своих культурных и социальных интересов, но и имеют возможность раскрывать и продвигать свою уникальную культуру и идентичность. Кроме того, музеи могут предоставить платформу для активизма людей с инвалидностью, поскольку последние имеют потребность не только в доступе к культурным ресурсам, но и в активном участии в их создании и интерпретации [Щекочихина 2021]. Музей может стать местом, где они могут социализироваться, учиться и учить других, внося свой вклад в развитие культурного диалога.

Участие в сообществе подразумевает разделение культурных ценностей, а также интересов конкретного сообщества. Современные исследователи подчеркивают, что у истоков процесса создания сообщества зачастую стоит человек, неравнодушный к проблемам, сложившимся на данной территории, в данной организации, и обладающий экспертными знаниями [Чернега 2020]. В контексте культурных институций это могут быть музейные работники, отвечающие за инклюзию. Кроме того, практики формирования сообществ могут основываться на инициативном командном лидерстве. В этом случае сообщества образуются вокруг не одного человека, а группы инициаторов или лидеров, экспертов, обладающих разнообразными ресурсами. Как следствие, в процессе формирования сообщества создаются различные формы социальных взаимодействий и поддерживается новое пространство действий и смыслов [Putnam 2001].

Методология и методы исследования

В основу анализа положены интервью с музейными работниками и представителями музейных сообществ, проведенные в рамках проекта РНФ № 22-78-10098 «Культурное гражданство и локальная солидарность: опыт социальной инклюзии аудитории музеев России»¹, дополненные интервью с людьми с инвалидностью, участвующими в музейных сообществах. Основными признаками принадлежности к целевой группе стали факт официальной или нестандартной трудовой занятости информанта в музее, опыт работы в музее с людьми с инвалидностью или другой инклюзивной категорией не более одного года назад. Поиск информантов осуществлялся, во-первых, через кураторов инклюзивных программ и музейных сотрудников, во-вторых, с помощью личных сообщений по контактам, указанным на сайте музеев, а после уже состоявшихся интервью был применен метод «снежного кома».

Всего было проанализировано 56 глубинных полуформализованных интервью, из которых 45 — с представителями как государственных, так и частных музеев, в которых в той или иной форме ведется работа с людьми с инвалидностью; 11 — с людьми с сенсорной инвалидностью, состоящими в музейных сообществах (четыре с незрячими, семь с глухими и слабослышащими информантами). В целях сохранения анонимности конкретные названия музеев в тексте не упоминаются. В дальнейшем был проведен индуктивный тематический анализ полученных в ходе интервью данных с помощью программного обеспечения для качественного анализа данных MAXQDA.

¹ Российский научный фонд. См. карточку проекта РНФ № 22-78-10098 (URL: https://www.rscf.ru/prjcard_int?22-78-10098).

Сообщество как внешний ресурс для музея

Направление работы с различными сообществами, которые формируются вокруг музейных событий, особенно инклюзивных, в последние годы становится популярной темой для дискуссий², в том числе выступая в качестве одного из явно формулируемых и латентно подразумеваемых критериев оценки эффективности деятельности музеев. Вследствие этого музей часто используется как площадка, на которую привлекаются уже сформированные инклюзивные сообщества: организации или объединения людей, связанные общими задачами или интересами на тему инклюзии. Такая стратегия работы особенно характерна для тех музеев, в которых инклюзивная деятельность ведется не очень активно. Музеи же как площадки для диалога [Хаурт 2015; Жвитиашвили 2020] оказываются открыты к подобному сотрудничеству, особенно в ситуациях, когда речь идет о минимальных ресурсных вложениях с их стороны, как в случае московского музея, в который обратился семейный центр, оказывающий социально-психологическую поддержку родителям и подросткам, в том числе с инвалидностью, с просьбой предоставить музейное пространство для занятий:

У нас такой центр, опять же в районе Новогиреево, и они занимаются с подростками из неблагополучных семей. Обратились, собственно, в музей, что у них нет пространства, где можно было бы устраивать встречи с ребятами. Я понимаю, возрастная категория 12–16 лет, и, зная о нашей деятельности и открытости, пришла преподавательница оттуда и спросила, есть ли и у нас такая возможность — дать пространство для встречи с ее группой, — мы только за [Инф. 1].

Сотрудничество музея с семейным центром, которому не хватало своих площадок для занятий, обусловлено территориальной близостью организаций (находящихся в районе Новогиреево), что, в свою очередь, стало катализатором взаимодействия музейного коллектива и представителей семейной организации. В рассматриваемом кейсе основанием для сотрудничества послужило получение взаимной выгоды и территориальная (в меньшей степени тематическая) близость музея с внешней организацией, что привело к регулярности неформального ситуативного взаимодействия.

На основе интервью с сотрудниками различных по профилю и размеру музеев можно сделать вывод, что инклюзивная деятельность в региональных музеях начинается не только когда музейные специалисты имеют со-

² См.: программу дискуссии «Сообщества в музеях и вокруг: практики и принципы взаимодействия» на VII конференции «Музей ощущений» Музея современного искусства «Гараж» (Москва, 2022) (URL: <https://garagemca.org/event/block-2-museums-and-communities>) и информацию о научном семинаре «Вызовы и потенциал взаимодействия музеев с ключевыми институциональными акторами» (Международная лаборатория исследований социальной интеграции и факультет менеджмента НИУ ВШЭ, 6 февраля 2024 г.) (URL: <https://www.hse.ru/ilsir/news/894308628.html>).

ответствующий запрос, но и когда само сообщество (родительское или состоящее из людей с инвалидностью) приходит в музей и заявляет о своих правах и желаниях. Музеи, в которых инклюзия не является целью, подстраиваются под внешний запрос людей с инвалидностью и инклюзивных организаций так же, как и под актуальную музейную повестку, происходит интеграция необходимых для этого черт в его организационную структуру [Абрамов и др. 2024]. Так, кейс музея в городе Воткинске демонстрирует, как сотрудничество с внешними организациями (социальные приюты, НКО, общественные организации и др.) способствует тому, что музей становится площадкой для сообщества при наличии инициативы со стороны сообщества и заинтересованного сотрудника. В Воткинске таким сотрудником, заинтересованным в развитии инклюзии, стал методист музея, который не специализировался на инклюзии, однако самостоятельно изучил доступную информацию об адаптации музейных событий и пространства и взял на себя задачу интеграции инклюзивных ценностей в работу музея:

У нас нет отдельных специалистов по инклюзии. Просто собираешь информацию и пытаешься интуитивно делать так, чтобы людям с любой инвалидностью было комфортно. <...> Помимо социального приюта, который является государственным учреждением, есть у нас в городе несколько организаций, которые тоже к нам обращаются, и они тоже поставщики своих подопечных, в том числе и с инвалидностью, на все эти мероприятия. Это и НКО, и просто общественные организации. То есть многим, если к нам очень хотят приехать, помогают организации до нас доехать [Инф. 2].

Необходимо отметить, что развитию инклюзивной среды в музее способствует систематическое взаимодействие с различными внешними инклюзивными организациями (социальные приюты, благотворительные фонды, общественные организации, НКО). Только в случае, если такие организации регулярно приводят своих подопечных в музей, сотрудники музея начинают усваивать инклюзивные ценности, постепенно интегрировать их при адаптации музейного пространства и событий, подаваться на различные гранты на развитие инклюзивной среды.

Помимо заинтересованности непосредственно музейных сотрудников, активность и инициативность местного неформализованного сообщества способствовала развитию инклюзивной деятельности в данном музее и распространению информации о его доступности для представителей сообщества незрячих:

У нас в Воткинске очень даже сильное общество слепых. Очень инициативные, активные, мобильное. И они готовы всегда участвовать в наших мероприятиях [Инф. 2].

К таким общественным организациям, с которыми выстраивается взаимовыгодное сотрудничество, подкрепляемое территориально-простран-

ственной общностью, могут относиться и региональные детско-родительские сообщества (например, организация многодетных семей, родителей, детей с инвалидностью), молодежные и ветеранские объединения, которые расположены недалеко от музея и имеют возможность регулярно посещать его мероприятия, как произошло в одном из музеев Волгограда:

Мы все равно взаимодействуем с различными общественными организациями. Допустим, у нас есть организация многодетных семей. К примеру, в районе мы взаимодействуем с ними. У нас есть организация родителей, детей с инвалидностью, мы с ними постоянно на связи. Также мы их приглашаем, они к нам приходят, мы делаем какие-то совместные мероприятия с ними [Инф. 3].

Хотя для региональных музеев подобное взаимодействие носит, как правило, эпизодический характер, такая деятельность может заложить основу проведения подобных инклюзивных мероприятий и задать потенциал для развития сотрудничества в этом направлении. Дополнительным внешним ресурсом для работы музея в инклюзивном направлении являются различные государственные и религиозные организации, которые рассматривают музей как площадку для проведения своих мероприятий. В случае музея из Свердловской области в качестве таких организаций выступают специализированные интернаты, библиотеки, школы, церкви:

Приезжает библиотека областная для слепых и слабовидящих, как правило, они приезжают специально, готовятся под этот проект [Инф. 4].

При этом, помимо увеличения потока посетителей, происходит взаимный обмен материалами. Сотрудничество с муниципальными организациями, в которых есть люди с инвалидностью, продвигает инклюзию в небольших музеях, заставляет сотрудников о ней думать.

Значимый вклад в развитие подобных партнерств и в формирование проектов, направленных на привлечение сообществ к проектам музея, вносят грантодающие организации и фонды, ориентирующиеся на актуальные тенденции музейного дела. Например, как отметил сотрудник одного из музеев в Ижевске, для участия в некоторых грантовых конкурсах музейным муниципальным организациям необходимо сотрудничать с НКО, что стимулировало музей активизировать работу по привлечению и вовлечению сообществ:

Это Фонд Потанина, да. Или какие-то партнерские проекты бывают, потому что мы не можем сами участвовать в конкурсе Президентских, например, грантов, как муниципальное учреждение. Там должен быть НКО, тогда мы ищем каких-то партнеров [Инф. 5].

Следовательно, музеи выстраивают взаимовыгодное сотрудничество с различными внешними инклюзивными и социальными организациями, в рамках которого либо предоставляют площадку для проведения мероприятий, либо проводят собственные инклюзивные события для подопечных организаций-партнеров, привлекая при необходимости НКО при подаче заявок на музейные гранты. Выстраиваемое системное взаимодействие с внешними организациями на общей территории приводит к формированию неинституциализированных инклюзивных сообществ, в которых внешниеколоинклюзивные организации служат ресурсом для музея.

Потенциал музея в формировании сообществ

Как было описано выше, согласно нарративам информантов, кооперация с различными организациями — типичный для музеев формат работы с инклюзивными сообществами, однако можно проследить и альтернативную — проактивную — стратегию, заключающуюся в формировании музеями собственных сообществ. Понимание ценности такой деятельности может возникать в качестве логичного продолжения начатой работы с уже сформированными объединениями, как в случае упомянутого выше музея в Воткинске, сотрудники которого говорят об осознании важности воплощения подобной инициативы:

И тут важно было бы сформировать сообщество, которое бы у нас было на регулярной основе, и они бы уже посещали наши новые выставочные проекты или какие-то наши экскурсии тематические новые, которые тоже запускаются [Инф. 6].

Значимость создания сообщества связана с желанием музея выйти за рамки кратковременных взаимодействий (например, с туристами) и построить устойчивые отношения с горожанами, чтобы создавать проекты, действительно значимые для локальной культуры и местных жителей. Сотрудники музеев делают акцент на потребности привлекать к проектам именно местных жителей, формировать их лояльность к местной культурной институции. Так, музей может стать местом притяжения, важной точкой контакта с местным населением, включающего, в частности, людей с инвалидностью:

А нам хотелось бы, чтобы к нам приходили именно горожане. Именно начать работать и внедрять практики соучастия, которые сейчас так во всех музеях практически внедряются. Потому что, как нам кажется, еще и тут, если организуется такое сообщество, как раз благодаря тому, что оно будет, мы сможем сделать какие-то проекты, интересные жителям. Потому что туристы — они приехали и уехали. С ними глубокого погружения какого-то нет [Инф. 6].

Идея формирования сообществ и долгосрочных взаимодействий с местными жителями возникает, когда сотрудники музея начинают понимать, что разовые мероприятия, связанные с привлечением НКО или туристических групп, не способствуют долгосрочному развитию и сотрудничеству. Одна из целей музея — привлечение посетителей, которые будут приходить не по инициативе организаций, а благодаря созданным в музее условиям, отвечающим их интересам и запросам. Попытки создания сообщества на базе музея происходят через организацию мероприятий, привлекательных для горожан, за счет чего «эти семьи с детьми, мы уже их знаем, они приходят, они нас знают» [Инф. 6]. Данные практики и планы музея подчеркивают переход от внешней зависимости (например, от НКО) к самостоятельному формированию постоянной аудитории с перспективой создания собственного сообщества на основе регулярного взаимодействия его членов.

Распространенным направлением работы музейных институций становится организация событий для такой категории посетителей, как дети с различными формами инвалидности. Так, в музее в Уфе проводятся мероприятия с привлечением широкого круга аниматоров и актеров, что способствует реализации творческого потенциала детей и их объединению. Помимо концертов, развлекательной программы, музей организует экскурсии с учетом потребностей уязвимых групп. Многие из этих проектов для детей также затрагивают городскую тематику:

Мы готовим сейчас проект тактильный, связанный как раз с картой нашего города. А никак руки не доходят, идеи висят уже давно, реализовать не успеваем [Инф. 7].

Осознав потребности и актуальные для данных групп форматы работы, а также познакомившись со своей аудиторией лично, сотрудники музеев стремятся развивать проекты, которые позволяют сделать музей актуальным для людей с инвалидностью. Можно сказать, что указанный музей в Уфе только начинает видеть первые результаты формирования сообщества на его базе:

Да, у нас в соцсетях появились люди, которые постоянно участвуют в мероприятиях нашего музея, то есть мы проводим какие-то квесты, какие-то конкурсы. Мы уже начинаем наблюдать, что из раза в раз одни и те же люди у нас начинают все больше принимать участие где-то. Даже группа людей есть. И даже так получилось, что потом эти люди становятся некоторыми проводниками и к нам приводят людей [Инф. 7].

В этом случае можно говорить об активных участниках, которые становятся некоторыми лидерами формируемого сообщества, вовлекая в деятельность музея новых людей, расширяя его аудиторию, в том числе из числа людей с инвалидностью.

Несмотря на отдельные успешные случаи вовлечения, они зачастую носят скорее сезонный или проектный характер, что может создавать барьеры для формирования устойчивого сообщества, поскольку сообщество предполагает перманентную потребность в принадлежности к коллектиvu. Можно выделить две основные причины, из-за которых инициативы музея могут не реализовываться на регулярной основе. Во-первых, это дефицит кадров, отвечающих за инклюзию и доступность в музеях, что особенно явно прослеживается в региональном контексте:

Например, у нас очень мало переводчиков [русского жестового языка]. Их один-два в республике. И даже у нас были Парадель-фийские игры, мы приглашали переводчика. Но надо обучать сотрудников, куда-то отправлять их, и главное, чтобы эти постоянные сотрудники были [Инф. 8].

В этом случае за инклюзивные проекты и события часто отвечает один человек, что создает дополнительные трудности для их реализации. Способом преодоления данного барьера может быть специализированное и организованное обучение сотрудников инклюзивным ценностям, которое, кроме того, становится драйвером создания новых проектов для посетителей музеев с инвалидностью. Стоит отметить, что помимо прохождения дополнительного обучения музейные сотрудники самостоятельно осваивают и перенимают готовый опыт других культурных институций с помощью методических материалов и специальной литературы.

Во-вторых, еще одним барьером поддержания системных отношений с создаваемым сообществом для музея становится недостаток финансирования. Преодолеть эти трудности помогают грантовая поддержка и внешние для музея ресурсы. Первоначальное создание доступной среды становится некой точкой бифуркации, способствуя инициированию дальнейших мероприятий. Постепенный переход к регулярным инклюзивным мероприятиям музея через этапы обеспечения доступной среды, обучения сотрудников с помощью как литературы, так и прохождения обучения с другими экспертами служит фундаментом для успешного формирования вокруг музея сообщества людей с инвалидностью. Однако в контексте рассмотренных кейсов можно сказать, что для музеев все же более характерно сотрудничество с готовыми неформализованными сообществами людей с инвалидностью — со школами, приютами, — а попытки реализации инклюзии и создания собственного сообщества на базе музея сталкиваются с вышеизложенными трудностями.

Эксплицитно декларируют свои цели формирования инклюзивного сообщества отдельные малые музеи, которые являются основными культурными институциями в определенных районах. Например, как рассказала директор упомянутого выше музея в районе Новогиреево в Москве, в рамках одного из недавних проектов они исходили из ключевого для создания инклюзивной среды принципа пространства, где посетители

воспринимаются как равные, с уникальными способностями каждого, несмотря на имеющиеся различия [Лучкова 2020]:

И, собственно, главная цель была — это создать некое сообщество, у которого нет различий именно по признаку телесных или интеллектуальных возможностей. Сообщество, которое мыслит себя именно как целое, но не через некую унификацию и нормативность, а через осознание и физических, и культурных возможностей любого индивида, что они могут быть по-настоящему реализованы лишь настолько, насколько они реализованы вообще у всех [Инф. 1].

Более того, такие малые музеи, аффилированные с крупными музейными объединениями, с одной стороны, плотно работают с локальными темами, а с другой — обладают возможностью приглашать специалистов с опытом и знаниями в области инклюзии и доступности, представляющих головные организации.

Профессиональные инклюзивные сообщества

Важно отметить, что люди с инвалидностью в процессе разработки музейных программ, вовлекающих их и формирующих социальные отношения вокруг музея, как носители опыта инвалидности зачастую принимают экспертную роль и привлекаются в качестве внешних консультантов и оценщиков, за счет чего становится возможным формирование специфического типа сообществ — профессиональных, как, например, в одном из музеев в Удмуртии:

У нас в музее собирается специальная комиссия людей с разными формами инвалидности, они приезжают периодически и проходят по всему пространству музея. Например, нам сказали, что у нас настройки в системе Брайля неправильно сделаны, мы уже это учили, убрали и переделали [Инф. 8].

В интервью музейные сотрудники отмечали, что сотрудничество с носителями инвалидности, которые имеют экспертный взгляд на предмет доступности физической среды, закрепляется на регулярной основе, и они становятся «друзьями музея» ввиду дефицита подобных специалистов. Впоследствии такие эксперты, специализирующиеся на аудите доступности, на основе общих разделяемых ценностей и знаний относительно адаптации музейного пространства становятся участниками профессионального сообщества на базе музеев, ведущих инклюзивную деятельность.

При этом такие преимущественно неформализованные профессиональные инклюзивные сообщества, которые состоят из экспертов и специалистов в области доступности и инклюзии, формируются с участием как людей с инвалидностью, работающих в музее, так и экспертов и работников музеев без инвалидности, которые курируют их деятельность

и вместе с ними занимаются производством инклузии. Продвигая ценности инклузии и отстаивая права людей с инвалидностью, такие эксперты не только способствуют выделению в музеях отдельного направления по адаптации физического пространства и его доступности, но и выступают в качестве гейткiperов в социальном пространстве музея, через которых люди с инвалидностью попадают в музеи и вокруг которых формируются сообщества. Для данной категории музейных работников наличие опыта инвалидности и знание специфики этого опыта в значительной степени преобладает над знанием об искусстве или тематике музея; слабослышащий сотрудник одного из музеев Москвы отмечает:

Мне было комфортно за счет того, что я хорошо знал аудиторию, с которой я работал. Поэтому знать специфику музейного дела и направления необязательно, но знать аудиторию, с которой работаешь, важно [Инф. 9].

Как показывает опыт культурных институций Москвы и регионов, пока что инклузивное направление в музее, связанное с продвижением ценностей сообщества какой-либо инвалидности, характерно преимущественно для глухих и слабослышащих людей, убеждения и действия которых основаны на чувстве общей принадлежности к культуре глухих [Ladd 2003]. В имеющихся материалах интервью нарративах на это указывает и сам носитель инвалидности — глухой ассистент проектов в другом московском музее:

Мне кажется, музей стал площадкой не только для посещения, но и для занятости людей с инвалидностью, потому что в последнее время бурно развивается доступность, продвигаются ценности, особенно культуры глухих, и люди все больше и больше узнают о людях с инвалидностью [Инф. 10].

Кроме того, для людей с инвалидностью, профессионально вовлеченных в музейные проекты, характерно проявление активизма в формате самоадвокации [Goodley 1997]. Устойчивое взаимодействие экспертов с инвалидностью на базе музея и выработанная ими коллективная идентичность с экспертами и музейными сотрудниками без инвалидности может приводить к формированию формализованного профессионального инклузивного сообщества, которое может вести свою деятельность независимо от музея. В качестве примера может служить создание официально зарегистрированной организации-объединения глухих экскурсоводов «Жест в музее», для членов которой характерно желание профессионально развиваться, не ограничиваясь только проведением экскурсий:

После окончания курса все экскурсоводы объединились в организацию «Жест в музее», которая сейчас поставляет услуги другим музеям в проведении экскурсий. Поэтому сейчас они такие внеинституциональные, и у них это получилось [Инф. 11].

Создание организации «Жест в музее» является успешным примером того, как прежде незнакомые глухие участники курса подготовки глухих экскурсоводов (см.: [Колесников, Сарычева б. д.]) в процессе обучения сформировали свое профессиональное сообщество глухих экскурсоводов и после окончания курса вышли за рамки одного музея, основав собственную организацию. В настоящий момент профессиональное инклюзивное сообщество «Жест в музее»³ объединяет глухих экскурсоводов из Москвы и за ее пределами. Следствием масштабирования деятельности сообществ глухих гидов стало недавнее формирование организации «Ассоциация глухих и слабосылающих экскурсоводов, гидов и гидов-переводчиков»⁴, которая также является официально зарегистрированной и осуществляющей деятельность по всей России.

Таким образом, в процессе осуществления инклюзивной деятельности на базе музея могут формироваться профессиональные инклюзивные сообщества, включающие людей как с инвалидностью, так и без таковой. Более того, музейный работник с инвалидностью является гейткiperом, через которого в музей приходят новые люди с инвалидностью, заинтересованные в поддержании этого профессионального поля, и их совместная деятельность на базе музея может выйти за его рамки и распространиться на другую площадку.

Заключение

Инклюзия и доступность — одни из наиболее актуальных трендов в разработке современных музейных проектов. Музеи, опираясь в своей деятельности на данные тренды, могут как пассивно выступать в роли площадок (как правило, в физическом смысле), на которых становится возможным взаимодействие внешних по отношению к музею организаций и сообществ, так и самостоятельно брать на себя функцию формирования новых сообществ с участием людей с различными формами инвалидности. Первая стратегия более характерна для музеев, начинающих свой путь в направлении инклюзии, и обеспечивается за счет спонтанных или периодических отношений с общественными организациями, благотворительными фондами, интернатами и др. Вторая же возникает в момент, когда музей на системной основе начинает проявлять инициативу в работе с людьми с инвалидностью в логике определения инклюзии через возможности обладать равным с другими посетителями правом «на членство в сообществе, стоящем за культурной институцией, открыто предъявляя черты собственной инаковости» [Абрамов и др. 2024: 42]. Особую роль в этом процессе играет долговременный характер работы,

³ См. телеграм-канал организации глухих экскурсоводов «Жест в музее» (URL: <https://t.me/zhestvmuzee>).

⁴ См. данные об «Ассоциация глухих и слабосылающих экскурсоводов, гидов и гидов-переводчиков» на сайте «РБК Компании» (URL: <https://companies.rbc.ru/id/1217700645887-assotsiatsiya-gluhih-i-slaboslyishaschih-ekskursovodov-gidov-gidov-perevodchikov>).

стабильность интереса к развитию данного направления со стороны музея, в основном за счет наличия в штате вовлеченного человека. Фонды и культурные организации (Фонд Потанина, ИКОМ России и др.) при этом не только становятся фундаментом подобной работы за счет грантовой поддержки, но и транслируют установки на важность партиципации, социальной сплоченности и включения в музейные проекты людей с различным жизненным опытом.

Музеи способствуют агентизации и профессионализации людей с инвалидностью, позволяя им участвовать в создании музейных программ, приобретать членство [Dahlgren, Hermes 2015] в музейном сообществе. В качестве агентов этого процесса на базе музея могут выступать, во-первых, отдельные специалисты с инвалидностью, которые регулярно и системно взаимодействуют с целевой аудиторией (другими людьми с инвалидностью, родителями детей с инвалидностью) и формируют вокруг музеев инклюзивные сообщества, объединенные общими интересами и ценностями. Во-вторых, такими агентами могут быть и целые объединения, инициированные с целью продвижения принципов и инструментов доступности и инклюзии в музеях. Нельзя говорить о том, что данный процесс в России носит повсеместный характер. Однако профессиональные инклюзивные сообщества, включающие людей с инвалидностью и людей без инвалидности, работающих в области доступности и инклюзии, построены на экспертизе обеих сторон в создании доступной среды в музеях и формируются сегодня как в Москве, так и в других регионах. Благодаря специфическим основаниям объединения, которые были подробно разобраны выше, подобные инклюзивные сообщества носят межинституциональный, а иногда даже внетерриториальный характер. В дальнейшем можно ожидать активизации этих процессов и включения в инклюзивные сообщества большего числа людей.

Источники

Колесников, Сарычева б. д. — *Колесников В., Сарычева М.* Курс подготовки глухих экскурсоводов: музеи Москвы // Музей современного искусства «Гараж». [Б. д.]. URL: <https://garagemca.org/programs/inclusive-programs/diversity-and-inclusion/kurs-podgotovki-gluhih-ekskursovodov-muzei-moskvy>.

Список информантов

Инф. 1 — жен., директор, Москва.

Инф. 2 — жен., методист, Воткинск.

Инф. 3 — жен., заместитель директора, Волгоград.

Инф. 4 — муж., директор, Верхняя Пышма (Свердловская область).

Инф. 5 — жен., методист, Ижевск.

Инф. 6 — жен., экскурсовод, Воткинск.

Инф. 7 — муж., директор, Уфа.

Инф. 8 — жен., методист, Ижевск.

Инф. 9 — жен., слабослышащий сотрудник, Москва.

Инф. 10 — муж., глухой ассистент проектов, Москва.

Инф. 11 — жен., куратор отдела инклюзии, Москва.

Литература

- Абрамов и др. 2024 — *Абрамов Р., Власова Т., Иванов Д.* Культурное гражданство: определения и эмпирическая контекстуализация // Социологическое обозрение. Т. 23. № 3. 2024. С. 25–52. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-25-52>.
- Блокланд 2023 — *Блокланд Т.* Сообщество как городская практика / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Нов. лит. обозрение, 2023.
- Гофман 2013 — *Гофман А. Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник, 2012: Сб. науч. тр. / Ред. Н. Е. Покровский; Ред.-сост. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 97–167.
- Долгова, Большаков 2023 — *Долгова Е., Большаков Н.* Понимание инвалидности в инклюзивном музее: системные противоречия и поиск консенсуса // Laboratorium: Журнал социальных исследований. Т. 15. № 1. 2023. С. 56–74. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-56-74>.
- Жвитиашвили 2020 — *Жвитиашвили Н. Ю.* (Меж)культурные компетенции в музеиной сфере: приглашение к профессиональной и персональной рефлексии // Миграции: приоткрывая личное: Сб. музеиных практик и рекомендаций по работе с темами миграции, мобильности и многообразия / Под общ. ред. О. В. Синицыной, Д. Р. Халиковой. М.: Рос. комитет Междунар. совета музеев (ИКОМ России), 2020. С. 28–38.
- Лучкова 2020 — *Лучкова Л.* Переосмыслия роль глухого в арт-институции: опыт Музея современного искусства «Гараж» // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. № 1. 2020. С. 148–161. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.010>.
- Саймон 2017 — *Саймон Н.* Партиципаторный музей / Пер. А. Глебовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Тарасенко 2004 — *Тарасенко Е. А.* Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. Т. 2. № 1. 2004. С. 7–28.
- Тённис 2002 — *Тённис Ф.* Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Хаурт 2015 — *Хаурт Д.* Культура участия: музей как форум для диалога и сотрудничества // Культура участия: музей как пространство диалога и сотрудничества / Ред.-сост. Д. Агапова. СПб.: Центр развития музеиного дела, 2015. С. 58–84.
- Чернега 2020 — *Чернега А. А.* «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23. № 3. 2020. С. 51–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3>.
- Щекочихина 2020 — *Щекочихина М.* Понимание и реализация инклюзии в российских музеях // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. № 1. 2020. С. 98–123. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.008>.
- Щекочихина 2021 — *Щекочихина М.* Исследования инклюзии и их влияние на стратегии развития инклюзивных программ в арт-институциях // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. № 3. 2021. С. 16–51. <https://doi.org/10.35074/GJ.2021.30.17.004>.

- Ярская-Смирнова, Большаков 2020 — Ярская-Смирнова Е., Большаков Н. Формирование инклюзивной культуры музея: обзор русскоязычных методических пособий // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. № 1. 2020. С. 317–330. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.018>.
- Bennett 2005 — Bennett T. Civic laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social // Cultural Studies. Vol. 19. No. 5. 2005. P. 521–547. <https://doi.org/10.1080/09502380500365416>.
- Dahlgren, Hermes 2015 — Dahlgren P., Hermes J. The democratic horizons of the museum: Citizenship and culture // Museum theory / Ed. by A. Whitcomb, K. Message. New York: Wiley Blackwell, 2015. P. 117–138. <https://doi.org/10.1002/978118829059.wbihms107>.
- Goodley 1997 — Goodley D. Locating self-advocacy in models of disability: Understanding disability in the support of self-advocates with learning difficulties // Disability & Society. Vol. 12. No. 3. 1997. P. 367–379. <https://doi.org/10.1080/09687599727227>.
- Ladd 2003 — Ladd P. Understanding deaf culture: In search of deafhood. Clevedon, UK; Buffalo: Multilingual Matters, 2003. <https://doi.org/10.21832/9781853595479>.
- Pruulmann-Vengerfeldt, Runnel 2018 — Pruuulmann-Vengerfeldt P., Runnel P. The museum as an arena for cultural citizenship: Exploring modes of engagement for audience empowerment // The Routledge handbook of museums, media and communication / Ed. by K. Drotner, V. Dziekan, R. Parry, K. C. Schröder. London: Routledge, 2018. P. 143–158.
- Putnam 2001 — Putnam R. Social capital: Measurement and consequences // Canadian Journal of Policy Research. Vol. 2. No. 1. 2001. P. 41–51.
- Stevenson 1997 — Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // The Sociological Quarterly. Vol. 38. No. 1. 1997. P. 41–66.

References

- Abramov, R., Vlasova, T., & Ivanov, D. (2024). Kul'turnoe grazhdanstvo: opredeleniya i empiricheskaya kontekstualizatsiya [Cultural citizenship: definitions and empirical contextualization]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 23(3), 25–52. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-25-52>. (In Russian).
- Bennett, T. (2005). Civic laboratories: Museums, cultural objecthood and the governance of the social. *Cultural Studies*, 19(5), 521–547. <https://doi.org/10.1080/09502380500365416>.
- Blokland, T. (2017). *Community as urban practice*. John Wiley & Sons.
- Chernega, A. A. (2020). “Sila mestnykh soobshchestv”: praktiki, mekhanizmy i modeli uchastiiia zhitelei v sotsiokul’turnom razvitiu territorii (na primere malykh naseleennykh punktov Vologodskoi oblasti) [“The power of local communities”: Practices, mechanisms and models of resident’s participation in the sociocultural development of territories (on the material of small towns and villages in the Vologda Region)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii*, 23(3), 51–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3>. (In Russian).
- Dahlgren, P., & Hermes, J. (2015). The democratic horizons of the museum: Citizenship and culture. In A. Whitcomb, & K. Message (Eds.). *Museum theory* (pp. 117–138). Wiley Blackwell. <https://doi.org/10.1002/978118829059.wbihms107>.
- Dolgova, E., & Bol’shakov, N. (2023). Ponimanie invalidnosti v inkliuzivnom muzee: sistemnye protivorechiia i poisk konsensusa [Understanding disability in an inclusive museum: Systemic contradictions and the search for consensus]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial’nykh issledovanii*, 15(1), 56–74. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-56-74>. (In Russian).
- Gofman, A. B. (2013). Solidarnost’ ili pravila, Diurkheim ili Khaiek? O dvukh formakh sotsial’noi integratsii [Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social

- integration]. In N. E. Pokrovskii, & D. V. Efremenko (Eds.). *Sotsiologicheskii ezhegodnik, 2012: Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 97–167). INION RAN (In Russian).
- Goodley, D. (1997). Locating self-advocacy in models of disability: Understanding disability in the support of self-advocates with learning difficulties. *Disability & Society*, 12(3), 367–379. <https://doi.org/10.1080/09687599727227>.
- Iarskaia-Smirnova, E., & Bol'shakov, N. (2020). Formirovaniye inkliuzivnoi kul'tury muzeia: obzor russkoiaazychnykh metodicheskikh posobi [Creating an inclusive culture in the museum: A review of Russian-language methodological guides]. *The Garage Journal: Studies in Art, Museums & Culture*, 1, 317–330. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.018>. (In Russian).
- Khauort, D. [= Haworth, J.] (2015). Kul'tura uchastiia: muzei kak forum dlja dialoga i sotrudnichestva [Culture of participation: museum as a forum for dialogue and cooperation]. In D. Agapova (Ed.). *Kul'tura uchastiia: muzei kak prostranstvo dialoga i sotrudnichestva* (pp. 58–84). Tsentr razvitiia muzeinogo dela. (In Russian).
- Ladd, P. (2003). *Understanding deaf culture: In search of deafhood*. Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781853595479>.
- Luchkova, L. (2020). Pereosmysliaia rol' glukhogo v art-institutse: opyt Muzeia sovremenennogo iskusstva "Garazh" [Rethinking the role of the deaf person in the art institution: The experience of Garage Museum of Contemporary Art]. *The Garage Journal: Studies in Art, Museums & Culture*, 1, 148–161. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.010>. (In Russian).
- Pruulmann-Vengerfeldt, P., & Runnel, P. (2018). The museum as an arena for cultural citizenship: Exploring modes of engagement for audience empowerment. In K. Drotner, V. Dziekan, R. Parry, & K. C. Schroder (Eds.). *The Routledge handbook of museums, media and communication* (pp. 143–158). Routledge.
- Putnam, R. (2001). Social capital: Measurement and consequences. *Canadian Journal of Policy Research*, 2(1), 41–51.
- Shchekochikhina, M. (2020). Ponimanie i realizatsiya inkliuzii v rossiiskikh muzeiakh [Understanding and implementing inclusion in Russian museums]. *The Garage Journal: Studies in Art, Museums & Culture*, 1, 98–123. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.008>. (In Russian).
- Shchekochikhina, M. (2021). Issledovaniia inkliuzii i ikh vliianie na strategii razvitiia inkliuzivnykh programm v art-institutsiakh [Inclusion studies and their impact on the strategies for developing inclusion programs in art institutions]. *The Garage Journal: Studies in Art, Museums & Culture*, 3, 16–51. <https://doi.org/10.35074/GJ.2021.30.17.004>. (In Russian).
- Simon, N. (2010). *The participatory museum*. Museum 2.0.
- Stevenson, N. (1997). Globalization, national cultures and cultural citizenship. *The Sociological Quarterly*, 38(1), 41–66.
- Tarasenko, E. A. (2004). Sotsial'naya politika v oblasti invalidnosti: krosskul'turnyi analiz i poisk optimal'noi kontseptsii dlja Rossii [Disability policy: cross-cultural analysis and optimal conception search for Russia]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, 2(1), 7–28. (In Russian).
- Tönnies, F. (1912). *Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie*. K. C. C. Curcius.
- Zhvitiashvili, N. Iu. (2020). (Mezh)kul'turnye kompetentsii v muzeinoi sfere: priglashenie k professional'noi i personal'noi refleksii [Intercultural competencies in the museum field: an invitation to professional and personal reflection]. In O. V. Sinitsyna, &, D. R. Khalikova (Eds.). *Migratsii: priotkryvaia lichnoe: Sbornik muzeinykh praktik i rekomendatsii po rabote s temami migratsii, mobil'nosti i mnogoobrazija* (pp. 28–38). Rossiiskii komitet Mezhdunarodnogo soveta muzeev (IKOM Rossii). (In Russian).

Информация об авторах Information about the authors

Екатерина Михайловна Долгова
стажер-исследователь, аспирант,
Международная лаборатория
исследований социальной интеграции,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
преподаватель Департамент
социологии, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 20
✉ e.dolgova@hse.ru

Мария Вячеславовна Малофеева
стажер-исследователь,
Международная лаборатория
исследований социальной интеграции,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 20
✉ mmalofeeva@hse.ru

Никита Викторович Больщаков
кандидат социологических наук
доцент, ведущий научный сотрудник,
Международная лаборатория
исследований социальной интеграции,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 20
✉ nbolshakov@hse.ru

Ekaterina Mikhailovna Dolgova
Research Assistant, Doctoral Student,
International Laboratory for Social
Integration Research, HSE University
Lecturer, School of Sociology, HSE
University
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
✉ e.dolgova@hse.ru

Mariia Viacheslavovna Malofeeva
Research Assistant, International
Laboratory for Social Integration
Research, HSE University
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
✉ mmalofeeva@hse.ru

Nikita Viktorovich Bolshakov
Cand. Sci. (Sociology)
Associate Professor, Leading Research
Fellow, International Laboratory
for Social Integration Research, HSE
University
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
✉ nbolshakov@hse.ru